

Рецензия на статью:

Леви Бенджамин

Зүүнгар дахь Чингийн аян дайн ба сарнисан Ойрадуудыг Ирид нутаглуулсан нь // *Historia Mongolarum (Journal of History)*. — Түүх (Х). Улаанбаатар, 2011. — 64–112-р тал. — ISSN 224-1804

Д.Г. КУКЕЕВ

Калмыцкий государственный университет
Элиста, Россия

DOI: 10.55512/WMO96608

Рецензия поступила в редакцию 12.01.2022.

Ключевые слова: Джунгария, беженцы, ойраты, империя Цин, маньчжурские источники, казахи.

Благодарность: Работа выполнена при финансовой поддержке Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова в рамках научного проекта № 1148 «Регионализм империи Цин в Центральной Азии: язык и власть».

Для цитирования: *Кукеев Д.Г.* [Рец. на:] *Леви Бенджамин*. Зүүнгар дахь чингийн аян дайн ба сарнисан ойрадуудыг ирид нутаглуулсан нь // *Historia Mongolarum (Journal of History)*. — Түүх (Х). Улаанбаатар, 2011. — 64–112-р тал. — ISSN 224-1804 // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 2 (вып. 49). С. 107–113. DOI: 10.55512/WMO96608.

Об авторе: КУКЕЕВ Дорджи Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия) (kukeevd@list.ru). ORCID: 0000-0001-5072-6094.

© Кукеев Д.Г., 2022

XVIII век, являясь знаменательным водоразделом в более чем двухтысячелетней истории кочевников, был отмечен финальной инкорпорацией всех кочевых этнополитических образований Евразии в состав оседло-земледельческих империй. Эпоха «кочевых империй» завершилась уничтожением в середине XVIII в. Джунгарского ханства войсками империи Цин, во главе которой стоял император Хунли¹ (девиз правления — Цяньлун), приказавший провести кровопролитную кампанию против ойратов Джунгарии, когда были убиты тысячи джунгаров, включая женщин и детей.

¹ Поскольку в империи Цин монгольский язык являлся одним из государственных, то для монгольской аудитории Хунли был известен как *Тэнгэрийн тэтгэсэн хаан*.

Сведений о резне сохранилось достаточное количество: в архивных материалах Российской империи встречается немало «распросных речей» бежавших из Джунгарии в пределы Сибири ойратов и «бухарцев» Алтышара, а в архивохранилищах империи Цин отложились *цзоу чжэ* 奏摺 (докладные записки трону), представлявшие собой особый вид корреспонденции между цинским императором и Военным советом Цзюньцзичу 軍機處², с одной стороны, и императорскими заместителями (амбанами) в пограничных районах империи — с другой. В *цзоу чжэ* также входили отчеты полковых генералов и рапорты цинских офицеров, которые боролись с джунгарскими оппонентами. Данный вид цинских источников до последней трети XX в. оставался практически неизвестным востоковедным исследованиям, пока Первый исторический архив в Пекине 中国第一历史档案馆 не открыл свои архивы с *цзоу чжэ* для общенаучного использования. Эта либерализация положила начало для процесса научных открытий, который позволил историкам из первых рук познакомиться с содержанием многомиллионных архивных материалов, хранящихся там, большинство из которых относится к периоду Цин (1644–1912 гг.)³. К одной из таких научных работ, основанных на цинских *цзоу чжэ*, которые вызывают интерес ойратоведа, относится опубликованная в 2011 г. на монгольском языке статья (на тот момент) докторанта Гарвардского университета Бенджамина Леви (Benjamin Samuel Levey), посвященная цинской карательной кампании в Джунгарии и последовавшей за ней политике расселения оставшихся в живых немногочисленных ойратов. Данная научная статья Б. Леви на монгольском языке является сжатой версией его англоязычного диссертационного исследования «Джунгарские беженцы и создание империи на казахской границе цинского Китая, 1759–1773», которую диссертант дополнил и успешно защитил в декабре 2013 г.

Здесь я хотел бы отметить важные отличительные особенности в научной статье Б. Леви, неизвестные отечественному ойратоведению и являющиеся отражением набирающей популярность тенденции в зарубежном ойратоведении, испытывающем влияние изменений в исследованиях по истории Цин. Во-первых, следует подчеркнуть важность использования маньчжуроязычных источников при изучении истории империи Цин, которая ныне позволяет овладеть более полной информацией об исторических событиях и личностях, отсутствующей в китайских источниках. Во-вторых, нелишним

² Цзюньцзичу — выполнял роль высшего совещательного органа при маньчжурском императоре, ведал военными, внешнеполитическими, законодательными, судебными и другими вопросами в Цинской империи. Его члены (от 4 до 9 человек) подбирались из специально назначенных секретарей Нэйгэ — канцлеров (*дасюэши*), глав шести ведомств (*бушаниу*), их помощников (*шиллан*) и других чиновников. Военный совет Цзюньцзичу превратился в правительство, полностью зависимое от императора и возглавляемое им (*Непомнин О.Е.* История Китая: эпоха Цин. XVII — начало XX века. М.: Вост. лит., 2005: 121).

³ Маньчжурские архивные материалы хранятся как в архивах провинций северо-востока Китая, так и в нескольких автономных районах КНР, однако наиболее сконцентрированная и упорядоченная часть документов на маньчжурском языке находится в Первом историческом архиве в Пекине, насчитывает 2 млн ед. хр. (*У Юаньфэн* 吴元丰. Циндай цзюньцзичу маньвэнь юэчжэбао цзи цзи шилляо цзячжи 清代军机处满文月折包及其史料价值 [Ежемесячные маньчжуроязычные связки «чжэ» из Военного совета (Цзюньцзичу) при Цин и их историческая ценность] // Маньчжурология. Маньчжурский язык. Исследования маньчжурского языка. 2007. № 2. С. 56–67), и в архиве Музея императорского дворца в Тайбэе в количестве 387 тыс. ед. хр. Определенная часть копий маньчжурских документов хранится в Маньчжурской коллекции ИВР РАН и Маньчжурском фонде Национальной библиотеки в Париже (*Пан Т.А.* Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006).

будет напоминание о том, что исторические исследования на основе маньчжуроязычных источников дали рождение новому научному направлению, известному как «Новая история Цин» (New Qing History), признающему, что Цин являлась империей, управлявшей не только китайцами, но и многими другими этническими группами⁴. Особое внимание *Новой истории Цин*, сфокусированное на полиэтническом характере империи, послужило мощным стимулом для появления такой подтемы, в которой основное внимание стало уделяться приграничным регионам империи Цин, где проживало большинство некитайских этнических групп⁵. Исследование Б. Леви о джунгарских беженцах дополнило все более возрастающую литературу о цинской границе в общем, и по истории ойратов⁶ — в частности.

Итак, в статье восемь разделов, и первый раздел посвящен устроенной цинскими карательными войсками резне так называемых ойратских *махачин* («хищники», «мясоеды»). Автор пытается понять, кто такие *махачин*, которые, будучи этническими ойратами, являлись объектом поиска и уничтожения со стороны цинских карателей за период с 1757 по 1761 гг. По мнению автора, цинские власти именовали *махачин* всех джунгарских беженцев. В этом разделе автор дает перевод доклада цинского офицера о проведении операции по уничтожению *махачин* с применением пыток в горной местности под названием Чихир Даха. Цинские солдаты нередко убивали женщин и детей и подвергали пыткам джунгарских пленных во время рейдов. Обнаруженные Б. Леви в этих сообщениях сведения о том, как цинские солдаты в некоторых случаях вырезали женщин и детей, а также пытали несчастных пленников, гово-

⁴ Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // Восток (Oriens). 2014. № 1. С. 5–17; Crossley, Pamela. A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology. Berkeley: University of California Press, 1999; Elliott, Mark. The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. Stanford: Stanford University Press, 2001; New Qing Imperial History: The Making of Inner Asia Empire at Qing Chengde. London; New York: Routledge Curzon, 2004; Rawski, Evelyn. Re-envisioning the Qing: The Significance of the Qing Period in Chinese History // Journal of Asian Studies. Vol. 55. No. 4. Pp. 829–850.

⁵ Millward, James. Beyond the Pass: Economy, Ethnicity, and Empire in Qing Central Asia, 1759–1864. Stanford: Stanford University Press, 1998; Elliott, Mark. Frontier Stories: Periphery as Center in Qing History // Frontiers of History in China. 2014. No. 3. P. 336–360; Newby, Laura. The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand, 1760–1860. Leiden: Brill Academic Publishers, 2005.

⁶ Маньчжурские источники как основа исследований по истории ойратов представлены работами: Чжуан Цзифа 莊吉發. Циндай чжуньгэр шилю чубянь (Предварительный сборник цинских исторических материалов о джунгарах). Тайбэй: Вэньшичжэ чубаньшэ, 1977; Chen Chieh-hsien. The Manchu Palace Memorials. Taipei: Linking Publishing, 1987; Оюунжаргал Очирын. Манж Чин Улсаас Монголчуудыг захирсан бодлого. Улаанбаатар, 2009; Хэй Лун (黑龙). Чжуньгэр-мэнгу юй Цинчао гуаньси ши яньцзю: 1672–1697 (Исторический анализ отношений джунгар-монголов и династии Цин (1672–1697)). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2014; Ма Цзыму (馬子木). Цяньлунчаочу тун бадакэшань као — цзяньлунь чжуньгэр ичан юй цинчао чжунья вайцзю чжи чуцзянь (Отношения между империей Цин и Бадахшаном в период правления [императора] Цяньлуна и формирование цинской дипломатии по отношению к Центральной Азии) // Чжуньян яньцзююань лиши юйянь яньцзюсю цзикан (Бюллетень Института истории и филологии Академии Синика). 2017. № 2(88). С. 347–395; Сюочжао Сюобо (小沼孝博 Онума Такаhiro). Цинчао тун-и Чжуньгэр цзици гуанься чжидуду шэцзи (Цинское объединение Джунгарии и проект по системе управления [этой территорией]) // Чжунго бяньцзян миьнцзю яньцзю (Исследования приграничных национальностей Китая). Вып. 11. Пекин, 2018. С. 210–234; Чэн Чжи (承志 Kicengge). Шиба шици Чжуньгэр шилю да э-то-кэ и и-цзянь маньвэнь цзоучжэ вэй чжунсин (Шестнадцать больших отогов Джунгарии в XVIII веке — в фокусе изучения один документ «цзоу чжэ» на маньчжурском языке) // Мань-мэн даньбань юй мэнгу ши яньцзю (Маньчжурские и монгольские архивы и изучение истории монголов). Шанхай, 2014. С. 137–204 и др.

рят о том, что такие события не являлись единичными инцидентами; в действительности цинские войска предпринимали многочисленные вылазки в горы между 1757 и 1761 гг. с конкретной целью вырезать ойратов. Несмотря на физическое истребление ойратов, автор исследования, тем не менее, утверждает, что не все *махачин* подверглись уничтожению, поскольку имелись и те, кто избежал смерти, находясь в плену у казахов.

Во втором разделе рассказывается о «земле народа без сутр» (т.е. земле казахов, которые не исповедовали буддизм) и начале реализации цинской политики по отношению к ойратам в опустевших землях Джунгарии. Здесь мы знакомимся с историей бежавших из казахского плена уже на территорию цинской Джунгарии выживших ойратов. Согласно маньчжуроязычным отчетам, которые были сформированы из допросов выживших ойратов, автор приводит перевод одного из таких докладов, где действующим лицом был ойрат по имени Лобджия, сообщивший о том, как он с пятью соплеменниками-ойратами бежал от казахов, «потому что их религиозные писания были другими, и из-за того, что он скучал по своей прежней родине. Однажды вечером, после молитвы Бурхану [т.е. Будде], он сообщил своей пожилой матери и братьям план бегства от казахов». Он сказал: «Если меня убьют, я хочу умереть на земле Желтого Учения». Цинский офицер Нусан принял решение сохранить им жизнь во время задержания, по причине того, что этих джунгар нельзя было сравнивать с обычными «голодными *махачин*», поскольку они «пришли в поисках Желтого Учения [т.е. тибетского буддизма] по обходному маршруту» (с. 64–112). Автор отмечает, что ему попадались несколько докладов с такими случаями, когда бежавшие из казахского плена джунгары формулировали свое решение сдаваться цинским пикетчикам, исходя из своих религиозных отличий от казахов. Например, ойрат по имени Даба сообщал: «Вместо того, чтобы жить среди казахов, у которых нет сутр, я [решил], что, даже если я умру, я хочу сбежать и затем стать *албату* [т.е. подданным] Великого *Эзэна* [т.е. цинского императора]» (с. 67). Б. Леви, тем не менее, отмечает, что большинство джунгар бежали с казахских земель не из-за религиозных преследований, и у него вызывает недоумение готовность этих джунгарских беженцев подчиниться цинским властям, если учесть, что в тот момент цинские солдаты убивали джунгарских беженцев (*махачин*), скрывающихся в горах. Враждебность джунгар по отношению к казахам была настолько велика, что они предпочитали стать подданными империи, войска которой все еще уничтожали их джунгарских соплеменников. Такого рода джунгарских беженцев, по мнению автора статьи, цинские власти на местах не предавали смертной казни, а отправляли в Пекин. Ситуация поменялась в 9-м месяце 25-го года правления Цяньлуна, когда цинские чиновники начали понимать, что эти джунгарские беженцы больше не представляют угрозы безопасности империи, и стали позволять большинству беженцев оставаться в Джунгарии; только представители джунгарской знати — *тайджи* или *зайсанги*, должны были быть препровождены в Пекин. Автор статьи представляет перевод указа императора по этому поводу, со ссылкой на маньчжурский вариант в латинской транслитерации (с. 70).

В третьем разделе представлены цинская политика превращения «воров в людей» и конец мероприятий, связанных с вырезанием *махачин*. Б. Леви сообщает, что поворотный момент в цинской политике по отношению к *махачин* наступил в 1761 г. С этого времени император Цяньлун стремился применить такую же мягкую политику в отношении прятавшихся в горах *махачин*, которая применялась к джунгарам, которые жили среди казахов. Цинские власти продолжали направлять военные патрули в поисках

махачин, но, в отличие от предыдущих целей, их миссия теперь состояла в том, чтобы убедить *махачин* подчиниться Цин, а не убивать их без разбора. Эти патрули, состоявшие из этнических солонов, чахаров и немногочисленных ойратов, должны были находить *махачин*, следуя по их следам, оставленным в грязи или на снегу. Интересен доклад Минжюя о цинском патруле, выявившем джунгар, уже много лет изолированных от человеческой цивилизации: «Мужчины и женщины, молодые и старые, были полностью одеты в шкуры животных. Молодые подростки не знали ни верблюдов, ни крупного рогатого скота. Они действительно жили далеко в горных лесах» (с. 73).

В четвертом разделе рассказывается о расселении ойратов в Или (также представлены и таблицы). Сначала оставшихся в живых ойратов отправляли в Или, а затем перемещали в район Тарбагатай. Говорится о том, что ойратов классифицировали согласно военной системе «Ниру». Цинские власти проводили мероприятия для воссоединения тех немногочисленных джунгар, которые были разлучены с членами своих семей. Как только беженцы прибывали на цинскую территорию, чиновники на местах рассылали запросы в Урумчи, Или и Тарбагатай для выяснения сведений о выживших членах семей, а узнав о их существовании, воссоединяли тех с выжившими родственниками (с. 78).

Что касается пятого раздела, то в статье их оказалось два. В первом из них (с. 79–83) описываются цинско-казахско-ойратские связи через призму «благожелательного» расположения императора к своим подданным по принципу „Эзэн-Албату“». Б. Леви разрабатывает концепцию японского исследователя Онума Такахиро «Эзэн-албату»⁷ применительно к отношениям между Цин, выжившими джунгарами и казахами. Данная концепция заключалась в том, что мироустроительный взгляд Цин рассматривал казахов как слуг *Эзэна* (т.е. цинского императора). Термин *албату* относился к подданному или слуге, который обязан был служить своему господину (*Эзэну*). Политика цинского двора заключалась в том, чтобы не оказывать предпочтение одному *албату* по сравнению с другим, а именно — относиться ко всем *албату* императора с одинаковой доброжелательностью. По мнению цинского двора, все ойраты стали *албату* императора после уничтожения Джунгарского ханства. Исходя из этой логики, Цины полагали, что с выжившими ойратами следует обращаться так же, как со всеми остальными *албату* императора, включая казахов (с. 80–81). Поскольку казахи требовали обратно у цинских властей бежавших из их кочевий плененных ойратов, постольку Цины часто заявляли о своем отказе вернуть казахам сбежавших ойратских пленников, объясняя это тем, что они не оказывают предпочтения одному *албату* перед другим.

В другом пятом разделе (с. 83–90) рассматриваются случаи с джунгарскими беженцами, проживающими у уйгуров, и даются таблицы с именами. Уйгуры плохо обращались с ойратами, так как в начале XVIII в. джунгарское государство покорило оазисы Таримского бассейна, вынудив уйгуров выплачивать ежегодные налоги. Хотя империя Цин заменила джунгар в качестве правителей над городами-оазисами бассейна Тарима, между уйгурами и ойратами сохранялась вражда. Б. Леви показывает картину, в которой цинские власти проводили мероприятия по выкупу ойратских рабов у уйгур с последующим расселением в Или и Урумчи. Так, казна выплачивала уйгурам за каждого взрослого ойрата по семь таэлей серебра; за ребенка же выплачивалось по три таэля серебра (с. 84).

⁷ Onuma, Takahiro. Political Relations between the Qing Dynasty and Kazakh Nomads in the Mid-18th Century: Promotion of the *ejen-albatu* Relationship // A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. TIAS Central Eurasian Research Series, 2010. Special Issue 1.

Шестой раздел также дважды представлен в статье. Так, раздел 6 на с. 91–92 описывает историю джунгарских беженцев, находившихся у торгутов, на примере людей Шеаренга, а также там имеется таблица. В разделе 6 на с. 93–96 описаны ойратские беженцы, которые проживали ранее в Коканде, Индии и Афганистане. Б. Леви представил перевод маньчжурского документа, красочной истории о страданиях джунгарского беженца по имени Харагай, захваченного в ходе набега казахов на джунгар, который после длительных странствий сдался в цинском лагере в Яркенде вместе со своей женой и дочерью. Будучи порабощенным казахами, он отправился в одиссею через обширные территории Центральной Азии, пройдя через Афганистан, Лахор и Кашмир, прежде чем добраться до Ладакха. Императора Цяньлуна очень интересовала информация о тех землях, через которые Харагай проходил по пути в Яркенд, и он приказал отправить беженца в Пекин, чтобы самолично со своими ближайшими советниками, членами Военного Совета допросить этого джунгара (с. 94–96).

В седьмом разделе автор рассматривает смену этнической идентичности на примере ойратов, попавших в разные места за пределами Джунгарии. Эти люди практически потеряли свою изначальную ойратскую идентичность, но впоследствии сделали все, чтобы вернуться в Джунгарию, но уже при цинской власти. Например, бывший джунгар по имени Бохолдай во время войны был продан представителем цинского войска китайскому купцу, занимавшемуся чайной торговлей, по имени Ма Илай; тот с сочувствием относился к Бохолдаю и воспитывал его как сына. Бохолдай принял фамилию своего хозяина и получил китайское имя — Ма Фу. Как-то Бохолдай/Ма Фу прибыл с чаем в Или и встретился со своим братом Баяном, и они узнали друг друга. После этого Бохолдай/Ма Фу захотел воссоединиться с родственниками и остаться жить с ойратами. Минжуй высказал мнение, что Бохолдай/Ма Фу может остаться в Или только в том случае, если это одобрит его хозяин Ма Илай. В Пичжан было отправлено письмо с описанием случая; Ма Илай дал разрешение Бохолдаю остаться в Или и жить вместе со своим старшим братом. За ойратского слугу Ма Илаю был дан выкуп в 7 ланов серебром (с. 97).

В восьмом разделе Б. Леви рассматривает этническую политику Цин по отношению к казахам и ойратам на землях Джунгарии, которая строилась на маньчжурских понятиях *giranggi* (кости) и *banin/tacin* (сущность/доктрина). Первое из них, по Б. Леви, непосредственно касалось родословной человека, приобреталось с самого рождения и не могло подвергаться изменению; *banin* же было такой субстанцией, для которой присущи приобретенные характеристики, как религия и язык, а *tacin* — это идея, доктрина, которая относилась к моральным качествам человека. Б. Леви для наглядности приводит несколько случаев (с джунгарами по имени Баяхар и Чуйдаши, которые по *giranggi* являлись казахами, а на основании *banin/tacin* — ойратами), когда эти люди запрашивали себе цинское подданство, и которые автор почерпнул из доклада Минжуя цинскому императору. Другой пример взят из *цзоу чжэ* императорского наместника Агуя в Или за 1761 г. и также затрагивает вопросы смешанной идентичности пограничных этнических групп. В качестве примера указаны некие Жанкиши и Эсэргэба, которые, являясь этническими казахами, считали себя ойратами и надеялись принять подданство империи Цин. В итоге Агуй одобрил их чаяния, и те стали цинскими подданными, поскольку императорский наместник видел в них ойратов, так как они в свое время, когда Жанкиши было пять лет, были взяты в плен джунгарами и воспитывались среди ойратов. Обычно казахам не разрешалось принимать цинское подданство и поселяться в Или, как это позволялось ойратам. Но в

этом случае было сделано исключение, потому что Цины рассматривали их как ойратов, даже если они были казахскими *giranggi* (с. 100).

Автор заключает, что ойраты и казахи проживали в тесном контакте более столетия и с обеих сторон было много людей смешанного происхождения, казахи могли общаться на ойратском языке, и многие ойраты могли говорить по-казахски. В течение первых 15 лет цинско-казахских отношений ойратский язык служил *lingua franca* на приграничных джунгарских территориях. Ойраты, долгое время жившие среди казахов, а впоследствии принявшие цинское подданство, хорошо знали многие местности, о которых цинские власти имели очень смутное представление, поэтому эти ойраты позже стали важным элементом цинского *каруна* в Джунгарии. Большая часть дипломатической переписки между Цин и казахами велась на ойратском письме *тодобичиг*, а ойратские переводчики всегда сопровождали цинские патрули к казахам.

Публикация научной статьи Б. Леви на монгольском языке, основанной на изучении и анализе огромного письменного маньчжуроязычного материала, знаменует собой новый важный этап в изучении истории ойратов. Данная работа, несомненно, интересна и специалистам-ойратоведам, и широкому кругу читателей.

Review of the article:

Levey, Benjamin

“Züünhar dah Chingiyin ayan ba sarnisan Oyiraduudyg Yilid nutagluulan n”

[The Qing Military Campaign to Zungharia and the Resettlement of Scattered Oirats in Ili]. *Historia Mongolarum (Journal of History)*. Vol. X. Ulaanbaatar, 2011, pp. 64–112 (in Mongolian). ISSN 224-1804

Dordzhi G. KUKKEEV

Kalmyk State University
Elista, Russian Federation

Received 12.01.2022.

Key words: Zungharia, refugees, Oirats, Qing Empire, Manchu sources, Kazakhs.

Acknowledgements: This study has been funded by a research grant from Kalmyk State University as part of Project no. 1148 “The Qing Empire’s Regionalism in Central Asia: The Language and the Governance”.

For citation: Kukeev, Dordzhi G. [Review of the article:] “Levey, Benjamin. ‘Züünhar dah Chingiyin ayan ba sarnisan Oyiraduudyg Yilid nutagluulan n’ [The Qing Military Campaign to Zungharia and the Resettlement of Scattered Oirats in Ili]. *Historia Mongolarum (Journal of History)* Vol. X. Ulaanbaatar, 2011. pp. 64–112 (in Mongolian). ISSN 224-1804”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 2 (iss. 49), pp. 104–113 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO96608.

About the author: Dordzhi G. KUKKEEV, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Intercultural Communications and Region Studies of B.B. Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation) (kukeevd@list.ru). ORCID: 0000-0001-5072-6094.